

А. М. КУТУЗОВ В 1790 ГОДУ: ЧТЕНИЕ, АВТОРСТВО, ПУБЛИЧНОСТЬ¹

О. А. Ларионов
(Оксфорд)

Алексей Михайлович очень скучает в Берлине.

М. А. Кузмин. Подземные ручьи

Алексей Михайлович Кутузов (1746 или 1747–1797), масон, переводчик, ближайший друг А. Н. Радищева и наставник юного Н. М. Карамзина, – видная фигура в культурной истории России последней трети XVIII в. (см.: Кочеткова 1999: 174–177). Едва ли не важнейшее место в его наследии занимает обширная переписка с братьями-масонами и друзьями, которую он вел из Берлина, посланный туда в 1787 г. по делам ордена розенкрейцеров (см.: Барсков 1915). Этот эпистолярный корпус по большей части относится к 1790–1792 гг., периоду, когда московское масонство с его претензиями на интеллектуальную независимость, налетом политической оппозиционности и изоцированными практиками чтения и письма вызывало все большие подозрения со стороны властей, перлюстрировавших масонские письма, и лично Екатерины II, в конечном счете перешедшей от публичной литературной полемики со своими подданными к репрессивным мерам, утверждавшим ее абсолютный суверенитет над их умами и душами (см.: Зорин 2016: 102–138). Атмосфера вокруг масонов сгушалась на фоне событий Французской революции и процесса Радищева, остро поставивших вопрос о возможностях и пределах публичной политической речи. Осуждая какую-либо печатную критику верховной власти, московские масоны постоянно демонстрировали в своих письмах лояльность императрице, однако это не спасло их

¹ Пользуясь возможностью, хочу поблагодарить А. А. Костина за уроки истории чтения и Меланию Калинину – за разговоры с отсутствующим.

от гонений, положивших конец дружеским связям и обязательствам этого сообщества (см.: Фреде 2016: 323–339).

Кутузов находился в самом средоточии этих пересекающихся обстоятельств и контекстов: именно ему Радищев посвятил «Путешествие из Петербурга в Москву» в 1790 г., и именно он после разгрома масонства в 1792 г. лишился поддержки друзей, средств к существованию и возможности вернуться на родину. Его трагическая судьба оказалась тесно переплетена с не менее драматичной историей формирования российской публичной сферы. В конце 1790 г., когда жизнь Кутузова уже существенно осложнилась из-за негативного отношения Екатерины к масонской деятельности, в том числе издательской, и гневной реакции на книгу Радищева, он узнает, что еще один человек из его ближайшего окружения, вернувшийся из европейского путешествия Карамзин, собирается выйти на свет публичности и издавать журнал. Серия относящихся к этому времени эпистолярных свидетельств позволяет реконструировать эмоциональный и читательский опыт Кутузова, а также его представления об авторстве и печатной культуре, выявившиеся и кристаллизовавшиеся в переживании и обсуждении этих новостей. Отправной точкой для нас послужит написанный 17/28 декабря 1790 г. ответ Кутузова на неясную для него записку Карамзина.

1.

Любезный мой друг! Благодарю тебя за твое приписание, показывающее мне, что ты не забыл еще человека, искренно и без всяких интересов любящего тебя. Признаюсь, что восемь начертанных тобою строк суть для меня истинная загадка.

Сколько ни ломаю мою голову, не могу добраться до истинного смысла. Или ты почти ничего не сказал, или сказал очень много для чувствительного моего сердца. Ты открыл мне пространное поле для изощрения силы моего воображения, но к чему сие послужит? Я буду разсуждать о неизвестном и, следовательно, говорить, не знаю, с кем. To say more to a man, than one thinks with a prospect of interest, is dishonest; and without it – foolish. Так говорит

англинской писатель и я, соглашаясь с ним, умолкаю. Впрочем, опасно связываться с вашею братиею, авторами, тотчас попадешь в лабет. Я и сам знаю многие мои пороки и недостатки; что-ж будет, ежели они предложатся публике, изображенные искусною кистью? Нет, нет, не хочу с тобою ссориться. Оставляя шутки, я тебя не понимаю, говори со мною яснее, ты знаешь, что я несколько туп. Однако-ж, как ты о мне ни думаешь, но знай, что я любил и люблю тебя искренно и желаю тебе истинных благ. При издании твоего журнала, щадя твоего друга, помни изречение аглинскаго же писателя: *There are four good Mothers, of whom are often born four unhappy Daughters, Truth begets hatred, Happiness pride, Security Danger, and Familiarity contempt.* Прости, любезный друг, ожидаю с нетерпением, что ты мне скажешь (Барсков 1915: 55).

Узнав о планах Карамзина по изданию «Московского журнала», Кутузов беспокоится, что его имя и какие-то сведения о его жизни в очередной раз «предложатся публике», попадут в печать, привлекая нежелательное внимание к его и так находящейся под подозрением личности (ср.: Лотман 1987: 73–74). Свои опасения он оформляет при помощи двух цитат, восходящих, как можно установить, к одному и тому же источнику – знаменитому английскому журналу *Guardian* («Опекун», 1713). Наряду с *Tatler* («Болтун», 1709–1711) и *Spectator* («Зритель», 1711–1712), другими периодическими изданиями Дж. Аддисона и Р. Стиля, *Guardian* являлся одним из важнейших образцов английской моральной журналистики, которая была ключевым медиа ранней публичной сферы (см.: Habermas 1989: 42–43) и переиздавалась, читалась, переводилась и имитировалась на протяжении всего XVIII в., в том числе и в России (см.: Левин 1967: 3–109).

Первая из цитируемых Кутузовым сентенций была взята из № 4 от 16 марта. Составившее этот номер эссе, которое написал А. Поуп (см.: *Guardian* 1982: 575, 608), обращалось к проблеме литературных посвящений. Критикуя обыкновенную неискренность льстивых похвал адресатам посвящений, Поуп заключал: «Говорить человеку больше, чем думаешь, с расчетом на выгоду – бесчестно;

без расчета – глупо» (Там же: 51). Используя эту фразу в своем письме, Кутузов вырвал ее из контекста и приложил к совсем иной ситуации эпистолярной коммуникации между ним и Карамзиным. Тем не менее можно предположить, что внимание Кутузова было привлечено именно общим содержанием этого номера *Guardian*, резонировавшим с его собственными мыслями и опытом. Еще в 1782 г., посвящая один из своих переводов Е. И. Голенищевой-Кутузовой, он, как и Поуп, порицал «в прaxe ползающих льстецов, почитающих не человека, но знатное состояние его» и писал: «не имею нужды превозносить похвалами особу мне незнаемую. Для собственного удовольствия переводил я книгу сию, для него же и подношу оную вам» (цит. по: Кочеткова 2002: 272).

С тех пор Кутузов сам стал адресатом двух посвящений – «Жития Федора Васильевича Ушакова» (1789) и, как уже говорилось, «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) Радищева. За одиннадцать дней до письма Карамзину, 6/17 декабря, Кутузов написал письмо Голенищевой-Кутузовой, в котором рассказывал о своей дружбе с Радищевым, о том, как «вздумалось ему сделаться автором» (Барсков 1915: 65), и о последовавших за этим несчастьях. В частности, он сообщил о своей прошлогодней эпистолярной реакции на посвящение ему «Жития...»: в письме Радищеву он процитировал фрагмент об опасности говорения истины царю из «Илиады» в переводе Поупа и, сколько можно судить, высказал мнение, что книгу следовало посвящать не ему, а влиятельному патрону, способному защитить дерзкого автора (см.: Костин 2015: 25–26). В этом контексте номер *Guardian* с рассуждениями Поупа о том, что, описывая «самую священную его составляющую, его характер (the most Sacred Part of him, his Character)», следует «заранее» получить на это «разрешение патрона (the Patron's Permission before-hand)» (*Guardian* 1982: 50), должен был читаться Кутузовым с повышенным эмоциональным вовлечением, которым и отмечено письмо Карамзину. В литературных планах младшего друга он опознает для себя общую опасность, источаемую «вашею братиею, авторами» и знакомую ему по радищевским текстам, в «Житие...» которого, рассказывавшем об их общей юности, он

вполне мог увидеть «многие мои пороки и недостатки», «изображенные искусною кистью». Текст английского журнала предоставил Кутузову символические ресурсы для переживания и концептуализации, в актах чтения и цитирования, реального и потенциального опыта непрощеной объективации собственного существования в публичном печатном слове с непредсказуемыми последствиями.

Вторым афоризмом, приводимым Кутузовым, заканчивается № 6 от 18 марта, в котором рассказывалось о мужских представителях вымышленного семейства Лизардов, введенного в качестве рамки для организации материалов журнала (см.: Там же: 5–8). В исходном контексте это высказывание (в переводе перлюстратора: «Четыре хорошия матери производят на свет часто четырех несчастных дочерей; истина нарождает ненависть, счастье – спесь, беспечность – опасность и вольное обхождение – презрение». – Товарищи 1896: 333; ср.: Барсков 1915: 298; Лотман 1987: 73) цитировалось как руководящий принцип основателя рода (см.: *Guardian* 1982: 59), так что Кутузову оставалось только применить уже готовое абстрактное моральное суждение о дурных следствиях благих намерений к конкретному случаю карамзинского начинания. Тот факт, что в одном письме Кутузов цитирует два номера *Guardian*, позволяет предположить, что в это время он занимался сквозным чтением журнала (возможно, используя недавно вышедшее значимое переиздание 1789 г.; см.: Там же: 16–17). Эта догадка подтверждается письмом, написанным на следующий день, 18/29 декабря 1790 г.², И. В. Лопухину.

2.

Мы будем покойны, уверены будучи в нашей совести, что мы гораздо лучшие граждане, нежели те, которые над нами смеются; в противном случае не было бы им времени заниматься сими шутками и изображениями новомоднаго баснословия. Говоря

² Возможно, письмо было написано чуть раньше, 12/23 декабря, как датирована другая его копия (см.: Барсков 1915: 298).

о сих людях, не могу воздержаться, чтобы не сообщить тебе читанного мною на сих днях и весьма меня поразившего, ибо ясно изображает свойства и состояние так называемых вольнодумцев. Для лучшего уразумения надобно знать, что автор изобрел прием, посредством которого проник он в умы других людей и видел там происходящее.

Перваго на десять октября, заперши мое тело в моем кабинете, перенесся я в кофейный дом, где, нашед одного знатнаго вольнодумца, вступил в его [п]инеальную glandулу и шел в самую высочайшую часть оныя, где бывает обыкновенно жилище «разума», ожидая найти тут обширное познание о всех вещах, как человеческих, так и божественных; но, к немалому моему удивлению, нашел сие место гораздо теснейшим, нежели они бывают обыкновенно, так что не могли в нем поместиться ни чудеса, ни пророчества, ниже вдохновение духа (Барсков 1915: 60–61).

Следующий далее текст представляет собой развернутую аллегорию, изображающую душу вольнодумца как пространство, в котором взаимодействуют персонифицированные идеи и страсти (см.: Там же: 61–62). Источником этого «читанного» Кутузовым «на сих днях» описания вновь выступил *Guardian*, на этот раз – письмо из № 39 от 25 апреля (см.: *Guardian* 1982: 156–158). Это сочинение атрибутируется Дж. Беркли (см.: Там же: 639), другое из журнальных эссе которого, № 126 от 5 августа, появилось в русском переводе еще в 1762 г. (см.: Левин 1967: 32, 88). Поясняя для Лопухина фикциональную конструкцию сообщаемого текста, Кутузов перифразирует вводные слова номера (“the Faculty of entering into other Mens Thoughts”, “by the help of that Invention”. – *Guardian* 1982: 156), после чего следует сам перевод, в целом очень близкий к оригиналу³.

Придавая тексту Беркли более универсальный и пригодный для приспособления под собственные нужды смысл, Кутузов исключает из первого предложения упоминание года (1712) и название «кофейного дома» (*Grecian*), а также вообще не переводит

³ Ср. современный перевод, в котором едва ли не больше ошибок и неточностей: Беркли 2000: 287–288.

заключительный пассаж с выпадом против конкретной «вольнодумной» книжной новинки. Явными ошибками выглядят передача *Separate Spirit* ‘отделенный (от тела) дух’ как «вдохновение духа», а также выполненный, видимо, наугад перевод *Comfortless* (о воображении) – «слабым». С другой стороны, в некоторых случаях Кутузову удалось подобрать если и не точные эквиваленты, то смысловые аналоги к вызвавшим затруднение словам: *Racks* ‘дыбы’ стали «застенками», а *Talopoins* ‘талопоины’ превратились в «шаманы». Кроме того, сличение с оригиналом позволяет прояснить некоторые темные места, возникшие, вероятно, в дошедшем до нас тексте Кутузова при копировании письма перлюстратором. Так, вместо бессмысленного словосочетания «Горничные замки» можно предположительно реконструировать **Гарнизонные замка* (в оригинале употребляется *garrisoned*). Труднее объяснить появление слов «по многим не нежным признакам» на месте *by sure Signs and Tokens* – может быть, у Кутузова было **надежным признакам*. Еще в одном случае (с. 62, строка 12 сверху) неправильно проведена граница предложений: после «народов» должна стоять точка, а со слов «по повелению» – начинаться следующее предложение. Наконец, стоит вспомнить особенность языка Кутузова, описанную Х. Кайпертом на материале его переводов с немецкого: регулярное усиление сравнительной степени прилагательных и наречий за счет введения таких слов, как «весьма» и «гораздо» (см.: Keipert 1981: 237, 239–240). Аналогичная тенденция обнаруживается и в этом переводе с английского: *the highest* – «самую высочайшую», *narrower* – «гораздо теснейшим», *I had not been long here* – «По весьма кратком моем здесь пребывании».

Фигура вольнодумца оказалась общей для социального воображения Беркли и Кутузова, который на этот раз воспользовался словами английского журнала для развенчания отечественных критиков московских масонов. Между тем продолжали его беспокоить и издательские планы Карамзина, о чем свидетельствует письмо кн. Н. Н. Трубецкому от 31 декабря / 11 января 1790/91 г.

3.

Я слышу, что любезный мой Карамзин произвел себя в авторы и издает журнал для просвещения нашего отечества. <...> Я написал-было письмо от неизвестнаго человека к журналисту, но боюсь, не едко-ли оно, и для того сообщаю вам оное. Поступите с ним, как вам угодно. Вот оно:

Forgive me this my virtue
For in the fatness of these pury times
Virtue itself of vice must pardon beg,
Yea, curb and woo for leave to do him good.
Shakespeare.

Мне минет скоро двадцать пять лет. В древния времена сей возраст почитали едва-ли не ребячьим (Барсков 1915: 70).

Цитируя показавшееся ему неясным письмо Карамзина от 11 ноября 1790 г. («О себе могу сказать только то, что мне скоро минет уже двадцать пять лет». – Там же: 30) и перифразируя далее карамзинский анонс «Московского журнала» и «Писем русского путешественника», появившийся в «Московских ведомостях» и вызвавший всю анализируемую серию его эмоциональных реакций (поучая Карамзина цитатами из *Guardian*, он писал в тот же день их общей подруге А. И. Плещеевой: «скоропостижное его авторство, равно как план, так его “объявление” поразили меня горестью». – Там же: 58), Кутузов сочиняет сатирическое письмо от имени такого же, как Карамзин, самонадеянного молодого человека, который презирает свое отчество, старину, всякие авторитеты и религию, путешествует по Европе и намеревается просвещать Россию своими многочисленными сочинениями (см.: Там же: 71–73). Обращает на себя внимание форма, выбранная для критики карамзинского намерения, «сняв узду», «рыскать на поле пустыя славы» (Там же: 70). Кутузов мог опираться на русскоязычную традицию изображения щеголей, в том числе в сатирической журналистике (см.: Лотман 1987: 23–24), однако сама жанровая модель письма издателю, которое выставляет в комическом свете его автора,

восходила к английским периодическим изданиям начала XVIII в. В *Guardian*, где эпистолярная форма в целом часто выступала конструктивным принципом построения номеров, Кутузов мог читать, например, явно призванное дискредитировать своего автора письмо в № 38 (см.: *Guardian* 1982: 155), вслед за которым шел переведенный им текст Беркли.

Характерным признаком периодических изданий Аддисона и Стиля были предварявшие номера эпиграфы из античных и, реже, современных авторов (так, эссе Поупа о посвящениях открывалось цитатой из С. Батлера; см.: Там же: 50, 608). Следуя этим образцам, Кутузов предпосылает своей сатире эпиграф из 4-й сцены III-го акта «Гамлета» (см.: *Kotchetkova* 2009: 40). Слова Шекспира используются в качестве поясняющего комментария к следующему далее письму: авторская позиция Кутузова (трудная задача обличения порока во имя добродетели несмотря ни на что), лишь имплицитно, в виде сатирической подсветки, присутствующая в основном тексте, находит прямое выражение в другом модусе чужой речи – эпиграфе. Дополнительно усложняя структуру высказывания и продолжая артикулировать собственные мысли через заимствованные готовые слова, Кутузов вслед за подписью своего сатирического персонажа «Попугай Обезьянин» приводит перекликающийся с ней афоризм, которым и заканчивается весь текст:

Si nous étions des perroquets et des singes, nous serions excusables de parler et d'agir par l'imitation de ce que nous voyons dire et faire aux autres (Барсков 1915: 73).

Перевод:

Если бы мы были попугаями и обезьянами, нам было бы прощательно говорить и действовать в подражание речам и поступкам, которые мы видим у других.

Эта сентенция (только с союзом *ou* 'или' перед *des singes*) обнаруживается в «Апологетическом предисловии» («*Préface Apologétique*») к сочинениям мистической писательницы Антуанетты Буриньон (1616–1680) (см.: *Bourignon* 1717: 6). Автором его был мистик Пьер Пуаре (1646–1719), напечатавший этот текст в 1683 г., а затем

включивший его в первый том полного собрания сочинений Буриньон, вышедшего в 1686 г. и переизданного в 1717 г. (см.: Ваар 2021: 30–31; во всех трех изданиях сохранялся один и тот же набор и пагинация текста). Книги Буриньон и Пуаре входили в круг чтения московского масонства (см.: Барсков 1915: 13, 122, 233, 291, 303), поэтому не удивительно, что Кутузов, намеренно или нет, обличал бездумную подражательность писательских устремлений и взглядов Карамзина при помощи одного из тех «теологических, мистических» (Там же: 73) сочинений, которые отвергались в анонсе «Московского журнала».

Итак, можно утверждать, что в декабре 1790 г. Кутузов читает журнал *Guardian*; следы этого чтения, вычлняемые в письмах, свидетельствуют, что интенсивное взаимодействие с английским текстом осуществляется в тесной связи с острым переживанием важнейших обстоятельств его жизни в этот момент – процесса над ближайшим другом и последствий его авторской активности для положения самого Кутузова, возрастающей угрозы гонений на сообщество, которому им были отданы все силы и средства, резкого расхождения с прежде близким человеком, занявшимся пагубной для себя и других литературной деятельностью. Вопросы литературы, печати, публичности оказываются общим знаменателем чуть ли не всех стоящих перед Кутузовым проблем; при этом критическое отношение к публичному авторству парадоксальным образом сочетается со все большей активизацией собственного письма: от чтения журнала он переходит к цитированию – переводу – созданию оригинального сочинения; мысли раз за разом возвращаются к глубоко задевшим его планам по изданию «Московского журнала». В марте 1791 г. Карамзин наконец-то решает ответить своему старшему другу.

4.

В журнале, который выдаю с января месяца, суть мои пиесы, есть и чужия, но вообще мало такого, что бы для вас могло быть интересно. Все безделки, мелочи и проч., проч. По сие время имею 210 пренумерантов, из которых иные, читая сие собрание безделок,

смеются или улыбаются, иные (NB. на некоторых страницах) *pass the back of their hands across their eyes*, иные зевают, иные равнодушно говорят: что за дрянь! Иные с сердцем кричат: как можно так писать! Иные... но пусть их говорят и делают, что хотят!

Впрочем, любезнейший брат, не бойтесь, чтоб я осмеян был; а если бы и вздумалось кому посмеяться надо мною, то я сказал бы: пусть смеются! Есть-ли за глаза и бить меня станут, то я ни слова не скажу. Вы, конечно, помните, кто это сказал за две тысячи лет перед сим (Барсков 1915: 111).

Ответ Карамзина зеркален по отношению к письму Кутузова: откликаясь на поучение, опиравшееся на авторитет двух моральных сентенций не названного по имени «английского писателя», он самоуверенно пренебрегает любой критикой в свой адрес и тоже использует две анонимные цитаты, словно загадывая своему другу загадку. Первое вкрапление чужой речи, английская фраза ‘проводят задней стороной своих рук по своим глазам’, представляет собой парафраз пассажа из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна: “*pass the back of his hand twice across his eyes*” (Sterne 1968: 114). В оригинале эти слова описывали реакцию слуги Йорика Ла Флера на историю Марии из Мулена и были лаконично переданы Карамзиным в его переводе этого популярнейшего эпизода как «утирал глаза рукою» (Мария 1791: 181). Переводы посвященных Марии фрагментов из сочинений Стерна появились в апрельском и майском номерах «Московского журнала» за 1791 г., как раз готовившихся к печати в марте, когда было написано письмо Карамзина. Описывая реакцию части публики на некоторые страницы журнала через отсылку к парадигматическому примеру сентименталистского письма, Карамзин имплицитно указывал на литературную ориентацию своего издания и вшитую в нее модель читательского отклика, рассчитывая, очевидно, что Кутузов (предполагавший, что радищевское «Путешествие...» написано «в виде Иориковом», и напоминавший, «что каждый из нас, по словам Стерна, имеет своего конька, на котором он охотно ездит». – Барсков 1915: 66, 96) узнает источник цитаты и составит более полное представление о характере «Московского журнала».

Второе цитируемое Карамзиным речение восходит к Диогену Лаэртскому и приписывается у него Аристотелю: «Когда ему сказали, что кто-то бранит его заочно, он сказал: “Заочно пусть он хоть бьет меня!”» (Diog. Laert. V, 18; пер. М. Л. Гаспарова); оно также приводится в «Опытах» Монтеня (кн. II, гл. 27: «Трусость – мать жестокости»). Первый русский перевод Диогена Лаэртского печатался в 1778–1779 гг. в журнале «Утренний свет» параллельно с «Ночными размышлениями» Э. Юнга в переводе Кутузова, и в любом случае Карамзин так или иначе имел представление об этом сочинении (см.: Keipert 1984: 281–282). Едва ли можно реконструировать те личные коннотации афоризма Аристотеля, на которые, видимо, намекал Карамзин (совместное чтение, обсуждение или какая-то шутка?); гораздо важнее указать на стоящий за этой отсылкой общий принцип. Два послания, которыми обменялись Кутузов и Карамзин, емко воплощают в себе два фундаментально разных типа письма: укорененное в масонских практиках самодисциплинирования и наставительном чтении, строящееся на цитировании моральных сентенций поучение, дружеское, отчасти шутливое, несколько тяжеловесное, но ясное по намерениям и искреннее – и ироничная, двусмысленная, полная дружеских интимных намеков и летучих полуцитат беглая речь сентиментальной изящной словесности, совершенно ускользающая, непроницаемая и скрывающая свои интенции.

В этом обмене письмами обращает на себя внимание, особенно благодаря рефлексивному обыгрыванию в ответе Карамзина, специфичный способ взаимодействия с прочитанными текстами: вычленение из них цитат, затем включающихся в состав новых высказываний. Эти принципы лежали в основе важнейшей читательской практики раннего Нового времени, оформившейся в среде ренессансных гуманистов, – методе «общих мест»: при чтении в тексте искали выразительные формулировки, броские сентенции, любопытные факты, сильные аргументы, которые выписывались в специальные записные книжки (*commonplace books*), тем или иным способом упорядочивались и затем при надобности извлекались и использовались как каркас или

украшения для построения своего сочинения – подобно тому, как в академическом письме цитаты из источников и работ предшественников связываются в единое целое собственными словами исследователя (см.: Blair 1992: 541–551; Moss 1998: 421–436). Эта стратегия чтения продолжила свое существование и в XVIII в., используя для работы над собой, организации памяти и систематизации своих «понятий», «идей», знаний (см.: Dasome 2004: 603–625). Можно предположить, что Кутузов, человек глубоко книжный и постоянно практиковавший интроспекцию и моральное самодисциплинирование, был так или иначе причастен этому способу чтения. В частности, он мог следовать совету из переведенного им «Наставления отца сыну, которого отправляет он в Академию» Х. Ф. Геллерта: «При чтении твоём веди ежедневную записку лучшим местам, и память твою изоощрай над оными» (Геллерт 1781: 281; атрибуция источника – Brang 1962: 52). Занимаясь нравоучительным чтением моралистических журналов или духовных сочинений, Кутузов, видимо, отмечал и выписывал из них приглянувшиеся ему афоризмы, которые удачно сочетали наставительное содержание с отточенностью его выражения. Занесенные в ту или иную тематическую рубрику цитаты отрывались от своего исходного контекста и уже существовали отдельно от книг, из которых они были взяты, – если, судя по совокупности свидетельств, Кутузов в конце 1790 г. держал в руках издание *Guardian*, то вовсе не обязательно, что у него перед глазами находилось собрание сочинений Буриньон с предисловием Пуаре, – он мог уже давно его проштудировать и сделать выписки, одна из которых дождалась своего часа, когда понадобилось емко охарактеризовать подражательность писательских амбиций Карамзина. Подобным же образом в свои эпистолярные рассуждения Кутузов встраивает, в качестве отправных точек и опор, цитаты из Эпиктета, Библии, Якоба Бёме и некоего анонимного автора (см.: Письма 1963: 300, 318–320, 322).

Отдельно стоит остановиться на функционировании поэтических цитат. В раннее Новое время большие поэтические формы, такие как, например, пьесы Шекспира, также раскладывались

на общие места, на отдельные пассажи, моральная польза и художественная приятность которых ценились независимо от того, каким из героев они произносились и какую роль играли в сюжете произведения (см.: Roberts 2003: 125–130). В качестве деконтекстуализированного афоризма Кутузов и цитирует слова Гамлета в начале своего антикарамзинского памфлета. Поэтическая речь, авторитетное чужое слово усиливало и углубляло аргументацию в ключевых местах рассуждения, оказываясь мощным средством риторического убеждения. Именно так, судя по упомянутому выше пересказу в письме Голенищевой-Кутузовой, работала цитата из «Илиады» в переводе Поупа в письме Радищеву: примером из классического автора обосновывалась опасность акта парресии, говорения истины монарху (см.: Барсков 1915: 66). Наконец, этой же логикой регулировалось использование цитат из высоко ценимых и переведенных Кутузовым «Ночных размышлений» Юнга. В письмах к И. П. Тургеневу 1782 и 1788 гг. он дважды цитировал Юнга в русском прозаическом переводе: для характеристики своего душевного состояния и для пояснения своих мыслей о показной и истинной простоте (см.: Письма 1963: 309, 321). В 1791 и 1792 гг. Кутузов цитирует Юнга (на этот раз в оригинале, очевидно, убежденный в знании английского языка адресатами) в письмах к двум, вероятно, самым близким для него людям – Голенищевой-Кутузовой и Радищеву, которых он стремится утешить в случившихся с ними горестях. Первой он напоминает слова Юнга о идущих чередой несчастьях и о небесном блаженстве дружбы (принципиально смешивая в этом понятии собственно дружеские и супружеские связи), а второму – о вечной обреченности человека на борьбу с бедами (см.: Барсков 1915: 81, 195). В двух едва ли не самых искренних, личных, почти что надрывных своих письмах Кутузов опирается именно на выписки из прочитанного, на общие места для того, чтобы придать своей речи требуемую страстность и убедительность.

Порой эта базовая практика цитирования нравоучительных сентенций разрасталась в письмах Кутузова до выписывания обширного фрагмента сочинения, который был уже не

только аргументом в общем рассуждении, но и сообщаемым корреспонденту ради самого себя отдельным текстом. В 1788 г. в письме к Тургеневу он сравнил мимолетность своих душевных состояний с мыльным пузырем, сопроводив это уподобление варьирующими ту же топику десятью начальными строками стихотворения Маттиаса Клаудиуса (1740–1815) „Ein Fragment, das nach der Stoa schmeckt“ (см.: Письма 1963: 313; Claudius 1784, I: 127–128). Любопытно, что годом ранее, в августе 1787 г., творчество Клаудиуса обсуждал в письме к Карамзину его друг А. А. Петров, прохладно отозвавшийся о сочинениях писателя и не одобрявший, что тот «не очень понятно» пошутил по поводу Ш. Баттё (Карамзин 1984: 504; Клаудиус писал, что нет разницы, тереть ли сочинения Баттё или хрен: Claudius 1784, III: 23). Особенно богатым на обширные выписки было уже обсуждавшееся письмо Лопухину от 18/29 декабря 1790 г.: помимо перевода целого сновидения из *Guardian* Кутузов поместил в нем содержащую «предсказания на будущий год» длинную немецкую цитату из метеорологического сочинения Х. Г. Ф. Штёве (Барсков 1915: 63, 298).

Все эти примеры демонстрируют полную погруженность Кутузова в культуру печатной текстуальности, – и тем более поразительной и парадоксальной представляется на этом фоне его радикальная критика авторства, литературы и публичности, достигшая кульминации в письме А. А. Плещееву от 7/18 мая 1791 г., из которого мы делаем последнюю из наших выписок.

5.

Мой друг, я достиг уже возраста превыше юношеского, жар мечтающего воображения подобрал уже ослабевшие свои крылья и начинает уже, оставя воздушное, касаться земли, нынешняго нашего пребывания; в течение моей жизни приобрел я некоторые опыты, а наипаче всего, вступя и прошед уже некоторое пространство за среду пути, ведущаго от колыбели к гробнице, глас совести начинает вещать громогласнее; сей глас раздается часто в ушах моих; с ужасом и трепетом слышу слова сии: *за всякое праздное слово дашь ответ*. Все сие вкупе разгоняет облака

безстыдства, ослепляющего величайшую часть бумагомарателей, и делает меня неспособным быть сочинителем. <...> Чем кто более и прилежнее читал, тем яснее видит, что господа писатели суть по большей части попугаи отличная памяти; один повторяет сказанное другим, и по большей части не соображался с местом и со временами. <...> По моему мнению, предлагать что либо всенародно, не быв точно, твердо и непременно удостоверену в истинне и пользе предлагаемого, есть безумная и наказания достойная дерзость. <...> В которое столетие жатва книжная была плодороднее нашего XVIII века? И в которое же время нравы людей были развращеннее времен наших? Да и как сему быть иначе? Все хотят быть учителями, не учася; все хотят править, не быв сами управляемы (Барсков 1917: 132–133).

Эта развернутая инвектива была вызвана наивным предположением Плещеева, что по возвращении домой Кутузов, возможно, будет «выдавать журнал» (Барсков 1915: 110). Ближе к концу своей многослойной консервативной критики современности и прежде, чем перейти к прямым выпадам против «Писем русского путешественника», Кутузов твердо заявляет: «Нет, мой друг, ежели Богу угодно, и я возвращусь здоров в мое отечество, то, конечно, всего менее буду помышлять о издании журнала» (Барсков 1917: 134). Фокус не только на словесности, но и на ее конкретной медиальной форме представляется здесь принципиальным. Еще 17/28 декабря 1790 г., одновременно с первым письмом Карамзину, Кутузов писал Плещеевой, обсуждая планы их друга по изданию «Московского журнала»:

Ежели в нашем отечестве будут издаваться тысячи журналов, подобных Берлинскому и Виландову, то ни один россиянин не сделается от них лучшим, напротив того – боюсь, чтобы тысяча таковых журналов не положила миллионов новых препятствий к достижению добродетели и к познанию самих себя и Бога (Барсков 1915: 58).

Итак, Кутузов отрицал не только не по годам дерзкое намерение начинающего российского автора, но и ведущие немецкие журналы

своего времени – ключевые институты окружавшей его публичной сферы. Тем не менее у его позиции было и положительное измерение. В очередной раз говоря о карамзинском журнале, он пояснял свое мнение в письме к Плещееву 4/15 марта 1791 г.:

Признаюсь, я читал множество журналов и весьма остроумных, но не сделали они меня лучшим; были у англичан журналы другого рода, но ныне они не в моде (Там же: 100).

Английские журналы – несомненно, моральные периодические издания типа *Guardian*, который Кутузов читал, цитировал и переводил несколькими месяцами ранее, – оказываются здесь противопоставленным современности образцом нравоучительной литературы. Первое – опосредованное – творческое взаимодействие Кутузова со знаменитыми журналами Аддисона и Стиля произошло не позднее 1785 г., когда в двух томах вышел его перевод «Ночных размышлений» Юнга (см.: Юнг 1785). В этой публикации переводы отдельных «Ночей», печатавшиеся ранее в журнале «Утренний свет», были не только собраны вместе и исправлены, но и дополнены примечаниями, источником которых – как и кутузовского перевода вообще – послужил немецкий перевод И. А. Эберта. Составляя примечания, Кутузов опирался на второе дополненное комментированное издание Эберта, по большей части редуцируя ученое разнообразие приводимых немецким профессором параллелей и пояснений до одномерного христианского морализма, а иногда и дополняя их собственными рассуждениями (см.: Keipert 2016: 293–301). В этом контексте и осуществилась первая известная нам рецепция Кутузовым журнала *Guardian*.

В одном из примечаний Эберт сообщает, что «51-й лист английского *Guardian*, или *Опекуна*, содержит небольшое сочинение о священной поэзии (Das 51. Blatt des englischen Guardians oder Aufsehers enthält eine kleine Abhandlung von der heiligen Poesie)», безусловно атрибутирует его Юнгу и приводит из него цитату (Young 1769: 54–55; ср.: *Guardian* 1982: 201). По малообъяснимым причинам Кутузов заменяет эту точную ссылку указанием на другой, более известный журнал Аддисона и Стиля: «В Англинском Зрителе есть

краткое разсуждение о священном стихотворении» (Юнг 1785, I: 260). Опустив все сведения об атрибуции Юнгу, он переводит только саму цитату, в которой из всех видов поэзии лишь религиозная объявляется единственной достойной продолжать существование после смерти и конца света, и прибавляет к этому свой комментарий: «Такое и сему подобныя размышления советовал бы я читать нашим стихотворцам» (Там же: 261). Далее разворачивается следующая цитированному выше посвящению Голенищевой-Кутузовой и созвучная мыслям Поупа из эссе в № 4 *Guardian* инвектива против авторов, которые «из корыстолюбия» пишут «то, чего они не чувствуют», «распространя[ют]ся в пустых похвалах» и своим «подл[ым] ласкательство[м]» мешают «многим людям видеть свои пороки» (Там же). Итак, уже в 1785 г. Кутузов использовал цитату из *Guardian* как отправную точку для артикуляции моральной критики современного литературного поля⁴.

Учитывая этот контекст, в особенности недвусмысленное предпочтение, отданное Кутузовым английским «журналам другого рода», за поучительными сентенциями из *Guardian* в первом письме Карамзину можно увидеть имплицитное противопоставление двух медиальных форм и соответствующих им типов словесности. Опасения по поводу «Московского журнала» вскоре подтвердились: М. И. Багрянский рассказал Кутузову о своих отрицательных впечатлениях от первых страниц «Писем русского путешественника», а Трубецкой поделился возмущением по поводу того, что Карамзин «вздумал, что он уже автор и что он в числе великих писателей в нашем отечестве, и даже осмелился рецензию делать на “Кадма”» (Барсков 1915: 86, 95). Наличие рецензий было принципиальным для той медиальной формы литературного журнала, трансфер которой в Россию стремился осуществить Карамзин. Дерзость критического рассмотрения начинающим писателем нового романа авторитетного М. М. Хераскова особенно

⁴ Еще один, менее значимый, пример взаимодействия Кутузова с *Guardian* – перевод пассажа из № 55: в отличие от примечания Эберта, в сноске Кутузова он приводится без ссылки на журнал, а следующая затем цитата из № 210 *Spectator* и вовсе опускается (см.: Young 1774: 129–130; Юнг 1785, II: 63; ср.: *Guardian* 1982: 216).

поразила Кутузова: «Смешно и больно безумное его предприятие ценить книги, которых без всякого сомнения он ни мало не разумеет» (Там же: 106).

Несмотря на свою тотальную критику современной литературной культуры, Кутузов, конечно же, сам был ее продуктом и не мог занять по отношению к ней подлинную метапозицию; переводчик, сотрудник нескольких журналов, один из учредителей Типографической компании, важнейшего издательского предприятия эпохи, он был одним из ключевых агентов конструируемой масонами модели литературного поля, включавшей в себя наборы переводческих, издательских и читательских стратегий и правил циркуляции печатных книг и рукописей, сложно варьировавших меру доступа к ним со стороны широкой публики (см.: Курилкин 2002: 30–50). Как неоднократно описывалось исследователями и осознавалось самими участниками событий, амбициозная литературная стратегия молодого Карамзина открыто отстраивалась от и бросала вызов угасавшей по совокупности внешних и внутренних причин культуре масонской текстуальности: вместо нравоучительной литературы, одним из проявлений которой были для Кутузова английские моральные журналы типа *Guardian*, ставка делалась на отказывающуюся от прямого дидактизма сентименталистскую изящную словесность и соответствующие ей жанры и медиа – литературно-критический журнал и, позже, альманах (см.: Зорин 2016: 139–154). В теоретическом плане эта историческая коллизия, кристаллизовавшаяся в письмах Кутузова, может быть схвачена как конфликт двух диалектически соотнесенных моментов становления публичной сферы – парадоксальной масонской секретной публичности и снимающей ее открытой литературной публичности (ср.: Habermas 1989: 35).

Иначе говоря, Кутузов и Карамзин оба были вовлечены в практики, ассоциирующиеся с культурой публичности: читали книги и журналы, переводили, сочиняли и печатались, цитировали и обсуждали литературу в письмах, следили за новостями и актуальными дискуссиями, высказывали суждения по литературным и политическим поводам, спорили и рассуждали,

наконец, просто оперировали понятиями «автор», «авторство», «публика». Более того, оба в начале 1790-х гг., на фоне Французской революции, правительственных преследований масонов и особенно дела Радищева, явно не допускали возможности публичной политической речи, сочетание которой с сентименталистской фикциональностью было так ярко представлено в «Путешествии из Петербурга в Москву». Для первого, однако, абсолютным горизонтом всей деятельности было розенкрейцерство и связанные с ним внутренняя работа над собой, замыкание в тайных, узких, закрытых масонских и дружеских сообществах и все более возраставшее подозрение к любым формам присутствия человека в публичном пространстве, в печати. Второй же, напротив, последовательно выстраивал пространство принципиально политически лояльной, но не менее принципиально публичной, открытой, адресованной широкому кругу читателей коммуникации и репрезентации себя. Как писал про Карамзина Кутузов, «он автор и, как кажется, имеющий главною своею целию прославиться в сем звании и заслужить имя хорошаго писателя» (Барсков 1917: 136). Эта социальная стратегия имела очень мало общего с приобретением новых эзотерических знаний и получением следующих степеней в ордене розенкрейцеров, чем занимался в это время в Берлине сам Кутузов.

Послужившие нам отправной точкой опасения Кутузова, что он попадет на страницы карамзинского журнала, были небеспочвенны. В первой части «Писем русского путешественника», печатавшейся в «Московском журнале», Карамзин не только неоднократно упоминает Кутузова, называя его «А***», но и цитирует большой пассаж из его письма, используя искреннюю личную речь своего друга как материал для построения литературной конструкции (см.: Карамзин 1984: 36). У этой непрошенной публичности была, однако, и оборотная сторона. Оставшись после разгрома московских розенкрейцеров без средств к существованию и связей с Россией, распродав или заложив все свои вещи, кроме книг, «до которых, ибо суть собственность всего нашего общества, не коснулся и в самой моей крайности» (Письма 1963: 323), попав в долговую тюрьму, Кутузов умер в Берлине в 1797 г. Казалось бы, его имя было обречено

на полное забвение, – однако уже в александровское царствование, в 1803 г., готовя новое издание «Писем», Карамзин сделал к первому упоминанию «А*» особое примечание про «Алексея Михайловича Кутузова, добродушного и любезного человека, который через несколько лет после того умер в Берлине, быв жертвою несчастных обстоятельств» (Карамзин 1984: 32, 404).

Всего лишь через несколько лет после его смерти именно сфера словесности, печати, публичности, в которую Кутузов был так глубоко погружен, которой отдал столько сил, которой столь опасался и которую так критиковал, стала носительницей его памяти – и продолжает хранить, передавать и возобновлять ее вплоть до сегодняшнего дня.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барсков Я. Л. 1915. Переписка московских масонов XVIII-го века: 1780–1792 гг. Пг.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук.
- Барсков Я. Л. 1917. Письма А. М. Кутузова. – Русский исторический журнал. Кн. 1–2. С. 131–140.
- Беркли Дж. 2000. Алкифрон, или Мелкий философ. Работы разных лет / Пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя.
- Геллерт Х. Ф. 1781. Наставление отца сыну, котораго отправляет он в Академию. – Московское ежемесячное издание. Ч. 2. Август. С. 259–294.
- Зорин А. Л. 2016. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение.
- Карамзин Н. М. 1984. Письма русского путешественника / Изд. подготовили Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука. Ленинградское отделение.
- Костин А. А. 2015. «Житие Федора Васильевича Ушакова» А. Н. Радищева в восприятии первых читателей. – “A Century Mad and Wise”: Russia in the Age of the Enlightenment / Ed. by Emmanuel Waegemans and others. Groningen: Netherlands Russia Centre. P. 21–36.
- Кочеткова Н. Д. 1999. Кутузов Алексей Михайлович. – Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: К–П / Отв. ред. А. М. Панченко. СПб.: Наука. С. 174–177.

- Кочеткова Н. Д. 2002. К истории одного литературного посвящения А. М. Кутузова. – *Russian Literature*. Vol. 52. No. 1–3. P. 271–281.
- Курилкин А. Р. 2002. Эзотерическая книга в России второй половины XVIII – начала XIX века (Предварительные замечания). – Тын्यानковский сборник. Вып. 11: Девятыне Тын्यानковские чтения: Исследования. Материалы / Под ред. Е. А. Тоддеса. М.: ОГИ. С. 30–50.
- Левин Ю. Д. 1967. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века. – Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л.: Наука. Ленинградское отделение. С. 3–109.
- Лотман Ю. М. 1987. Сотворение Карамзина. М.: Книга.
- Мария 1791. Мария (Отрывок из Стернова Путешествия. Перевод с Английского). – Московский журнал. Ч. 2. Кн. 2. С. 179–189.
- Письма 1963. Письма Алексея Михайловича Кутузова Ивану Петровичу Тургеневу / Подготовка текста и комментарии В. В. Фурсенко. Публикация Ю. М. Лотмана. – Труды по русской и славянской филологии. [Вып.] VI / Отв. ред. Б. Ф. Егоров. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 298–334.
- Товарищи 1896. Товарищи и птенцы Н. И. Новикова (Их взаимная переписка). – Русская старина. [Кн.] 11. С. 321–365.
- Фреде В. 2016. Верность, измена и предательство в дружеской среде: 1790-е гг. – Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 9 / Отв. ред. А. А. Пичхадзе и Ю. В. Кагарлицкий. М.: Нестор-История. С. 323–339.
- Юнг Э. 1785. Плачь, или Нощные размышления о жизни, смерти и безсмертии. Ч. I–II. М.: В вольной Типографии у И. Лопухина.
- Vaar, M. de. 2021. Pierre Poiret: le plus fidèle disciple d'Antoinette Bourignon. – *Revue de Théologie et de Philosophie*. Vol. 153. No. 1. P. 19–35.
- Blair, A. 1992. Humanist Methods in Natural Philosophy: The Commonplace Book. – *Journal of the History of Ideas*. Vol. 53. No. 4. P. 541–551.
- Bourignon, A. 1717. Toutes les œuvres de Mlle. Antoinette Bourignon. Vol. I. Amsterdam: Chez R. & G. Wetstein.
- Brang, P. 1962. A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Rußland (Zum Problem der Attribuierung anonymer Werke des 18. Jahrhunderts). – *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Bd. 30. Hft. 1. S. 44–57.

- Claudius, M. 1784. *Asmus omnia sua secum portans, oder Sämtliche Werke des Wandsbecker Bothen*. Th. I-II; III. Karlsruhe: Christian Gottlieb Schmieder.
- Dacome, L. 2004. Noting the Mind: Commonplace Books and the Pursuit of the Self in Eighteenth-Century Britain. – *Journal of the History of Ideas*. Vol. 65. No. 4. P. 603–625.
- Guardian 1982. *The Guardian* / Ed. with an introduction and notes by John Calhoun Stephens. Lexington: The University Press of Kentucky.
- Habermas, J. 1989. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* / Translated by Thomas Burger with the assistance of Frederick Lawrence. Cambridge, Mass.: The MIT Press.
- Keipert, H. 1981. Eine verkannte Wieland-Übersetzung in Novikovs „Utrennij svet“. – *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Bd. 42. Hft. 2. S. 227–241.
- Keipert, H. 1984. Neue Quellen zu Novikovs „Utrennij svet“. – *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Bd. 44. Hft. 2. S. 269–302.
- Keipert, H. 2016. Johann Arnold Ebert in Russland: die Young-Übersetzungen von Aleksej Michajlovič Kutuzov. – *Johann Arnold Ebert: Dichtung, Übersetzung und Kulturtransfer im Zeitalter der Aufklärung* / Hrsg. von Cord-Friedrich Berghahn, Gerd Biegel, Till Kinzel. Heidelberg: Winter. S. 287–313.
- Kotchetkova, N. 2009. La correspondance des francs-maçons russes au XVIIIe siècle. – *La Revue russe*. No. 32. P. 35–47.
- Moss, A. 1998. The *Politica* of Justus Lipsius and the Commonplace-Book. – *Journal of the History of Ideas*. Vol. 59. No. 3. P. 421–436.
- Roberts, S. 2003. *Reading Shakespeare's Tragedies of Love: Romeo and Juliet, Othello, and Antony and Cleopatra in Early Modern England*. – *A Companion to Shakespeare's Works*. Vol. I: The Tragedies / Ed. by Richard Dutton and Jean E. Howard. Oxford: Blackwell Publishing. P. 108–133.
- Sterne, L. 1968. *A Sentimental Journey. The Journal to Eliza. A Political Romance* / Ed. with introduction by Ian Jack. London: Oxford University Press.
- Young, E. 1769. *Klagen, oder Nachtgedanken über Leben, Tod, und Unsterblichkeit*. Bd. 2. Braunschweig: bey sel. Ludolph Schröders Erben.
- Young, E. 1774. *Klagen, oder Nachtgedanken über Leben, Tod, und Unsterblichkeit*. Bd. 3. Braunschweig: bey sel. Ludolph Schröders Erben.

REFERENCES

- Baar, M. de. "Pierre Poiret: le plus fidèle disciple d'Antoinette Bourignon." *Revue de Théologie et de Philosophie* 153, no. 1 (2021): 19–35.
- Barskov, Ia. L. *Perepiska moskovskikh masonov XVIII-go veka: 1780–1792 gg.* Petrograd: Izdanie Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii Nauk, 1915.
- . "Pis'ma A. M. Kutuzova." *Russkii istoricheskii zhurnal* 1–2 (1917): 131–40.
- Berkeley, G. *Alkifron, ili Melkii filosof. Raboty raznykh let.* Translated from the English by A. A. Vasil'ev. Saint Petersburg: Aletheia, 2000.
- Blair, A. "Humanist Methods in Natural Philosophy: The Commonplace Book." *Journal of the History of Ideas* 53, no. 4 (1992): 541–51.
- Bourignon, A. *Toutes les œuvres de Mlle. Antoinette Bourignon.* Vol. 1. Amsterdam: Chez R. & G. Wetstein, 1717.
- Brang, P. "A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Rußland (Zum Problem der Attribuierung anonymer Werke des 18. Jahrhunderts)." *Zeitschrift für Slavische Philologie* 30, no. 1 (1962): 44–57.
- Claudius, M. *Asmus omnia sua secum portans, oder Sämtliche Werke des Wandsbecker Bothen.* Vols. 1–3. Carlsruhe: Christian Gottlieb Schmieder, 1784.
- Dacome, L. "Noting the Mind: Commonplace Books and the Pursuit of the Self in Eighteenth-Century Britain." *Journal of the History of Ideas* 65, no. 4 (2004): 603–25.
- Frede, V. "Vernost', izmena i predatel'stvo v družeskoj srede: 1790-e gg." In *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova.* Vol. 9. Edited by A. A. Pichkhadze and Iu. V. Kagarlitskii, 323–39. Moscow: Nestor-Istoriia, 2016.
- Gellert, Ch. F. "Nastavlenie ottsa synu, kotorago otpravliaet on v Akademiiu." *Moskovskoe ezhemesiachnoe izdanie* 2 (August 1781): 259–94.
- Habermas, J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society.* Translated by Thomas Burger with the assistance of Frederick Lawrence. Cambridge, MA: The MIT Press, 1989.
- Karamzin, N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika.* Edited by Iu. M. Lotman, N. A. Marchenko, B. A. Uspenskii. Leningrad: "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1984.
- Keipert, H. "Eine verkannte Wieland-Übersetzung in Novikovs *Utrennij svet.*" *Zeitschrift für Slavische Philologie* 42, no. 2 (1981): 227–41.

- . “Neue Quellen zu Novikovs *Utrennij svet*.” *Zeitschrift für Slavische Philologie* 44, no. 2 (1984): 269–302.
- . “Johann Arnold Ebert in Russland: die Young-Übersetzungen von Aleksej Michajlovič Kutuzov.” In *Johann Arnold Ebert. Dichtung, Übersetzung und Kulturtransfer im Zeitalter der Aufklärung*. Edited by Cord-Friedrich Berghahn, Gerd Biegel, Till Kinzel, 287–313. Heidelberg: Winter, 2016.
- Kochetkova, N. D. “Kutuzov Aleksei Mikhailovich.” In *Slovar’ russkikh pisatelei XVIII veka*. Vol. 2. Edited by A. M. Panchenko, 174–77. Saint Petersburg: Nauka, 1999.
- . “K istorii odnogo literaturnogo posviashcheniia A. M. Kutuzova.” *Russian Literature* 52, no. 1–3 (2002): 271–81.
- . “La correspondance des francs-maçons russes au XVIIIe siècle.” *La Revue russe* 32 (2009): 35–47.
- Kostin, A. A. “*Zhitie Fedora Vasil’evicha Ushakova* A. N. Radishcheva v vospriiatii pervykh chitatelei.” In “*A Century Mad and Wise*”: *Russia in the Age of the Enlightenment*. Edited by Emmanuel Waegemans and others, 21–36. Groningen: Netherlands Russia Centre, 2015.
- Kurilkin, A. R. “Ezotericheskaiia kniga v Rossii vtoroi poloviny 18 – nachala 19 veka (Predvaritel’nye zamechaniia).” In *Tynianovskii sbornik*. Vol. 11, *Deviatye Tynianovskie chteniia: Issledovaniia. Materialy*. Edited by E. A. Toddes, 30–50. Moscow: OGI, 2002.
- Levin, Iu. D. “Angliiskaia prosvetitel’skaia zhurnalistika v russkoi literature 18 veka.” In *Epokha Prosveshcheniia: Iz istorii mezhdunarodnykh sviazei russkoi literatury*. Edited by M. P. Alekseev, 3–109. Leningrad: Izdatel’stvo “Nauka.” Leningradskoe otdelenie, 1967.
- Lotman, Iu. M. *Sotvorenie Karamzina*. Moscow: Kniga, 1987.
- “Mariia (Otryvok iz Sternova Puteshestviia. Perevod s Angliiskago).” *Moskovskii zhurnal* 2, no. 2 (1791): 179–89.
- Moss, A. “The *Politica* of Justus Lipsius and the Commonplace-Book.” *Journal of the History of Ideas* 59, no. 3 (1998): 421–36.
- “Pis’mo Alekseia Mikhailovicha Kutuzova Ivanu Petrovichu Turgenevu.” Edited and annotated by V. V. Fursenko. Published by Iu. M. Lotman. In *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*. Vol. 6. Edited by B. F. Egorov, 298–334. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1963.
- Roberts, S. “Reading Shakespeare’s Tragedies of Love: *Romeo and Juliet*, *Othello*, and *Antony and Cleopatra* in Early Modern England.” In *A Companion to*

- Shakespeare's Works*. Vol. 1, *The Tragedies*. Edited by Richard Dutton and Jean E. Howard, 108–33. Oxford: Blackwell Publishing, 2003.
- Sterne, L. *A Sentimental Journey. The Journal to Eliza. A Political Romance*. Edited with introductions by Ian Jack. London: Oxford University Press, 1968.
- The Guardian*. Edited with an introduction and notes by John Calhoun Stephens. Lexington: The University Press of Kentucky, 1982.
- “Tovarishchi i ptentsy N. I. Novikova. (Ikh vzaimnaia perepiska).” *Russkaia starina* 11 (1896): 321–65.
- Young, E. *Klagen, oder Nachtgedanken über Leben, Tod, und Unsterblichkeit*. Vol. 2. Braunschweig: bey sel. Ludolph Schröders Erben, 1769.
- . *Klagen, oder Nachtgedanken über Leben, Tod, und Unsterblichkeit*. Vol. 3. Braunschweig: bey sel. Ludolph Schröders Erben, 1774.
- . *Plach, ili Noshchnyia razmyshleniia o zhizni, smerti i bezsmertii*. 2 vols. Moscow: V vol'noi Tipografii u I. Lopukhina, 1785.
- Zorin, A. L. *Poiavlenie geroia: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa 18 – nachala 19 veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.